

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Радикальное реформирование российской экономики, кризисное состояние, в котором она оказалась, привели к необходимости коренного пересмотра и переосмысления многих устоявшихся теоретических концепций и догм, еще совсем недавно казавшихся незыблемыми. Дороговизна, обнищание значительной части слоев общества вызывают недовольство избранной стратегией построения развитой экономики, свидетельствуют о росте недовольства избранным курсом и о необходимости его радикальной корректировки.

В этой связи все чаще можно услышать мнение, что наше общество «идет как-то не так», что следует избрать иной путь — все это само по себе весьма симптоматично и может привести к подрыву веры в необходимость осуществления самих реформ. По крайней мере стало очевидным, что отказ от социалистических принципов и переход к рыночным отношениям не даст немедленного скачкообразного роста эффективности общественного производства, что для достижения высокого уровня потребления потребуются не «500 дней», а достаточно продолжительный временной интервал. Очень важен при этом и выбор оптимальной стратегии перехода. Так представляется, что в экономике с гипертрофированно развитым госсектором (как, например, в российской экономике) наиболее приемлема модель постепенного формирования многосекторной экономики, причем сам процесс перехода наилучшим образом будет протекать в этих условиях при наличии сильной власти, обеспечивающей социально-политическую стабильность. Поэтому весьма актуально рассмотрение проблемы теоретической обоснованности выдвинутой целевой установки и перспектив дальнейшего развития российского общества — ведь с научной точки зрения совсем не очевидно, что для России переход к рынку — *единственный возможный* путь, по крайней мере, это необходимо обосновать и в любом случае выяснить, какая хозяйственная модель в российских условиях наиболее приемлема и эффективна. Целесообразно поставить вопрос о перспективах и формах развития рыночных отношений не только на российском уровне, но и в целом в мире.

Научный подход к определению целей и перспектив общественного развития непосредственно связан с глубоко обоснованной концепцией классификации и типологизации социально-экономических систем. Истории обществоведческой мысли известны несколько подходов к возможной классификации общественных систем. Так, в прежний, социалистический период развития в нашей науке признавался лишь марксистско-ленинский формационный подход, все остальные в это время классифицировались как ненаучные. В последнее время обществоведы все чаще говорят о целесообразности использования так называемого цивилизационного подхода. Если основой формационного подхода является выделение в истории человечества ряда ступенчатых ступеней (общественно-экономических формаций), то при цивилизационном подходе выделяются определенные состояния общества (цивилизации). Наибо-

лее яркими представителями цивилизационного подхода являются А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский. Существуют и другие подходы к классификации. Широко известность в западной социологии получила концепция «идеальных типов» М. Вебера, в свое время пользовалась популярностью теория Ш. Фурье и пр. На наш взгляд, определенные перспективы в научном подходе к классификации общественных систем имеют идеи об оптимальном, рациональном сочетании общественных элементов и о различных вариантах, путях общественного развития как альтернативы формационной теории.

Рассматривая различные варианты классификации, нельзя не отметить, что каждому варианту присущи определенные недостатки. Так, ограниченность формационного подхода проявляется в гипертрофированном отношении к экономическим и, как следствие, недоучете значения действия других факторов. Очень важно и то, что этот подход недоучитывал особенности функционирования общественно-экономических формаций в конкретных странах, поэтому формационный подход следует дополнить страновым подходом, ибо в каждой стране своя специфическая хозяйственная модель и задача классификации заключается в группировке различных национальных экономических систем-моделей. Определенные условность и схематичность присущи и цивилизационному подходу, когда, например, в концепции А. Тойнби древнегреческая Спарта сопоставляется с Германией 30-х годов XX века. На наш взгляд, любой подход к классификации общественных систем будет в определенной мере односторонним и ограниченным, ибо всю совокупность социально-экономических явлений и процессов, всю сложность и богатство общественной жизни вряд ли когда-либо удастся уложить в ту или иную схему. Важно учесть при этом и временной аспект [8]. Суть проблемы в следующем.

В истории социально-экономической мысли нередки случаи, когда авторы или их последователи рассматривали положения своих теоретических концепций как истину в последней инстанции. Так, классическим примером попытки абсолютизировать роль и значение тех или иных научных исследований является рассмотрение учеными марксистского направления основных положений формационного подхода как непогрешимых и окончательных. Не отрицая определенного позитивного значения формационной теории, в частности, ее роли в борьбе с иррациональным подходом к объяснению явлений человеческой истории, тем не менее нельзя не признать, что абсолютизация основных положений этой теории во многом способствовала застою и консервации обществоведческой мысли в странах бывшего социалистического лагеря. В этой связи можно констатировать, что научная обоснованность любого варианта классификации не может быть абсолютной и окончательной и всегда в той или иной мере определяется как уровнем развития социально-экономической мысли, так и развитостью самого общества, иначе говоря, во многом определяется сложившейся социально-экономической

ситуацией. Правда, справедливости ради следует добавить, что те же представители формационного подхода, несмотря на присущий им схематизм и доктринерство, в связи с новыми научными данными в последнее время интенсивно разрабатывали весьма перспективную концепцию «азиатского» способа производства.

Учитывая сложность и многоплановость общественных процессов, представляется, что наиболее верным будет использование различных вариантов типологизации в соответствии со всем множеством разнообразных компонентов социальной формы движения материи. Так, в экономической науке имеется большое число подходов и концепций развития и периодизации производственных систем. В настоящее время на Западе широкую известность в этой области получили концепции И. Валлерстайна, Р. Пребиша, С. Фуртадо, К. Симмонса и др. Заметим также, что определенная условность того или иного варианта классификации непосредственно связана и с конкретными целями проводимого научного исследования. Исходя из поставленных задач далее подробно будет рассмотрена проблема определения роли и места модели рыночной экономики и их разновидностей в возможных перспективах социально-экономического развития России. При этом важно отметить, что помимо моделей развитого рынка особо следует поставить вопрос об изучении модели (точнее, их разновидностей) переходного процесса, ибо переход к рынку следует рассматривать как особое состояние, а не просто как недостаточно развитый рынок (кстати, переходные состояния, применяя медицинскую терминологию — болезненные состояния, поэтому ту часть экономической науки, которая будет заниматься вопросами анализа моделей переходного периода, проблемами реформирования социально-экономической системы можно назвать патэкономикой). Так, например, уровень изменчивости и неопределенности организационно-экономической среды в условиях переходного периода гораздо выше, чем при развитом рынке, что приводит к снижению эффективности экономики, отрицательно сказывается на устойчивости огромного числа предприятий, ибо их деятельность в таких условиях почти всецело зависит от вероятностных изменений внешних факторов. Именно различиями в уровнях стабильности среды объясняется тот факт, что при развитом рынке уровень рентабельности, определяющий устойчивость деятельности предприятий, в несколько раз меньше, чем в переходный период. Таким образом, одной из важнейших особенностей, отличающих модель развитого рынка от модели переходного периода, является относительная стабильность и устойчивость функционирования социально-экономических систем. Именно этим обстоятельством во многом и обусловлено стремление поскорее «избавиться» от переходности, разрешить кризис и, тем самым, уменьшить неопределенность среды. Особенность модели переходного периода должна быть учтена при разработке нормативных актов; например, в условиях перехода не следует копировать закон о банкротстве предприятий, действующий при развитом рынке. Кстати, и эпоха великой депрессии в США может быть теоретически объяснена именно в рамках модели переходного периода — по-этому необходимо создать общую теорию переходных социально-экономических процессов на основе анализа и выявления общего в различных переходных состояниях общества, как-то: эпоха великой депрес-

сии в Америке, современное и послереволюционное состояние российской экономики, циклические периоды кризиса перепроизводства и т. д. [6].

Как уже отмечалось, интерес к теоретическому анализу этой модели в нашей науке существенно повысился после того, как стала очевидной невозможность дальнейшего функционирования российской экономики на социалистических принципах (а тем самым стало очевидно и то, что социализм не является высшим этапом развития общества, а коммунизм — это вообще из области виртуальной реальности); поскольку же в наиболее развитых странах мира доказали свою эффективность рыночные отношения, то и для советского общества было признано целесообразным осуществить скорейший переход к рынку. Однако, как известно, рыночная экономика претерпела долгую многовековую эволюцию и прошла в своем развитии ряд качественно различных периодов и этапов. При этом добавим, что далеко не всегда и не везде рыночные отношения обеспечивали социальную стабильность в обществе, способствовали высокому уровню общественного потребления — так, вспомним хотя бы период великой депрессии в США. В этой связи нелишне напомнить, что и сами социалистические идеи пользовались широкой популярностью в прошлом и в первой половине этого века в значительной мере из-за низкого уровня жизни трудящихся капиталистических стран, а в настоящее время во многих развивающихся странах рыночные отношения не приводят к достижению высокого уровня производства (во многом из-за того, что те являются сырьевым придатком развитых стран, создавая, тем самым, предпосылки для роста эффективности экономики этих стран, в этой связи добавим, что эффективность самой передовой в настоящее время социально-экономической системы — развитого рынка — во многом обуславливается разнообразием и рациональным соотношением в мировом хозяйстве различных типов систем, исходя из этого невозможно, чтобы все страны стали одновременно рыночными и высокоразвитыми). Поэтому более детально следует остановиться на возможных вариантах и разновидностях рыночной экономики.

Говоря о модели рыночной экономики, следует иметь в виду, что в реальности имеется масса ее возможных разновидностей и форм, в связи с чем в специальной литературе выделяются несколько моделей рынка [5]. Так, теоретики развитых капиталистических стран подвергли всестороннему изучению формы рыночной экономики, отличающиеся разным уровнем и степенью монополизации. В этой связи ими предложено несколько теоретических моделей. Какая из существующих теоретических и национальных моделей наилучшим образом подходит для российской действительности? Или для России не подходит ни один из известных вариантов и здесь необходим поиск какого-то особого пути? В этом необходимо разобраться и попытаться ответить на эти вопросы.

В этой связи напомним, что выделяют несколько теоретически возможных моделей рынка — это прежде всего рыночные структуры, обусловленные степенью зрелости рыночных отношений: совершенная конкуренция, монополия, дуополия, олигополия, монополистическая конкуренция, монополия, двухсторонняя монополия и т. д. Эти виды рынков различаются между собой прежде всего по числу экономических агентов, выступающих как на

стороне спроса, так и на стороне предложения. Названные виды рыночных структур представляют собой типовые схемы или модели, соответствующие реальным ситуациям рынка. Однако в чистом виде они, как правило, не существуют. Другими словами, все перечисленные виды рыночных структур являются абстракциями, но абстракциями, носящими научный характер. Реально существующие формы рынка обычно представляют собой некую смесь совершенной конкуренции, олигополии и монополии с преобладанием того или другого начала [2].

Все это соответствует и подтверждает правомерность принципа рационального сочетания разных хозяйственных систем и моделей как необходимого условия высокой эффективности общественного производства, в соответствии с которым в различных отраслях и сферах экономики из-за производственно-технологических особенностей сочетание и соотношение различных хозяйственных систем и моделей может весьма существенно варьировать. Причем, одним из определяющих факторов существующих различий в соотношении разных хозяйственных систем и моделей является отраслевая специфика распределения между крупными, средними и мелкими предприятиями. К примеру, отраслевые особенности сельскохозяйственной сферы и, прежде всего, наличие огромного числа мелких ферм, суммарный объем выпуска товарной продукции которых тем не менее невелик, обуславливают то, что для сельскохозяйственной отрасли ряда развитых капиталистических стран наиболее характерно сочетание олигополистической модели и рыночной модели совершенной конкуренции. В других отраслях и сферах экономики сочетание и соотношение между разными рыночными моделями может быть совершенно иным. Так, в настоящее время в развитых капиталистических странах в сфере производства пищевых продуктов и сырья весьма распространена модель рынка совершенной конкуренции. Существуют целые отрасли, особенно в тяжелой промышленности, где весьма эффективна и распространена монополистическая рыночная модель [3]. Обобщая, можно высказать утверждение о том, что практически в каждой рыночной стране (особенно, в развитой) в любой отрасли и сфере экономики можно найти элементы всевозможных теоретических рыночных моделей — монополистической, олигополистической, совершенной конкуренции и пр., только соотношение между ними может весьма существенно варьировать.

Изучение и обобщение на основе предложенного подхода мирового опыта распределения различных рыночных моделей в разных странах, в разных отраслях и сферах общественного производства позволит предложить рекомендации по формированию рационального соотношения между разными формами рынка во всевозможных сегментах российской экономики. Но в любом случае уже должно быть ясно, что не следует, как это делает ряд теоретиков, искать и объявлять пригодной для России какую-то одну теоретическую или национальную хозяйственную модель, возможно лишь использование тех или иных комбинаций элементов различных теоретических и национальных моделей, причем в разных отраслях и сферах экономики, в разных регионах России сочетание элементов может весьма сильно варьировать. Поэтому и структура разных хозяйственных систем и моделей также может весьма существенно отличаться в различных регионах, в

различных отраслях экономики России и быть во многом непохожей на среднероссийскую. Важнейшим направлением дальнейших исследований является разработка основ экономической теории сквозь призму действия этого принципа, так как предыдущие экономические теории рассматривали лишь одну теоретическую модель, но не их сочетание, как в реальности. Причины существования таких возможных отличий объясняются отраслевой и региональной спецификой.

Таким образом, само понятие «рыночная экономика» не является однозначным — как уже отмечалось, существует несколько весьма существенно различающихся теоретических моделей рынка. Более того, современная экономика развитых капиталистических стран наряду с рыночными в качестве важнейших составляющих включает и другие принципы и элементы хозяйствования — прежде всего это относится к государственным методам регулирования социально-экономических процессов (можно выделить и другие элементы экономики — систему социальной защищенности, профсоюзы, партии, экономическую деятельность общественных организаций и пр.). В этой связи следует отметить, что в достижении высокой эффективности общественного производства «повинны» все элементы хозяйственного механизма развитых капиталистических стран, число которых достаточно велико.

Поскольку существенное значение в достижении современных стандартов развитой капиталистической экономики имеют не только рыночные регуляторы, говоря о цели, которую стремится достигнуть российское общество — а именно, построение социально-экономической системы по типу систем, действующих в наиболее передовых странах — не следует ее всецело отождествлять только с рыночной экономикой. Важно также иметь в виду, что в разных развитых капиталистических странах социально-экономическая модель может весьма существенно различаться. Например, экономика Швеции и США значительно различаются по типу и уровню социального обеспечения населения. Даже в одной стране в разные периоды времени модель хозяйствования не остается постоянной — так в США роль и значение государственных регуляторов сильно менялись в последнее десятилетие.

В этой связи важно добавить, что нередко, говоря о цели, имеют в виду (причем, на только на обывательском уровне) построение какой-то *абстрактной* модели общества с высоким уровнем потребления, с развитой системой социальной защищенности, с широкими демократическими свободами; общества, основанного на рыночных отношениях. Однако, поскольку сама реальная основа данной целевой установки (т. е. хозяйственная система развитых стран) весьма сильно различается в разных странах, то и сама целевая установка должна быть более конкретизирована с учетом анализа существующих национальных экономических моделей и особенностей развития российской экономики.

Поэтому далее необходимо подвергнуть анализу различные национальные хозяйственные системы сквозь призму возможности использования определенных элементов этих систем в целевой модели российской экономики. Как уже отмечалось, национальные хозяйственные модели стран, не только принадлежащих к разным социально-экономическим системам, но и даже тех, которые принадлежат к одной социально-экономической систе-

ме — развитых капиталистических стран — могут весьма значительно отличаться между собой. В чем же заключаются эти различия? Отвечая на этот вопрос, прежде всего необходимо заметить, что хозяйственные элементы, являющиеся составными частями экономической модели, в разных развитых капиталистических странах в основном одни и те же — в экономике каждой страны из этой группы действуют государственные регуляторы, различные рыночные регуляторы, система социальной защиты населения, функционируют общественные организации и т. д. В связи с тем, что различные национальные (в том числе и российская) социально-экономические модели по существу состоят из одних и тех же хозяйственных элементов, существующие отличия между этими моделями могут объясняться лишь разницей в соотношении между хозяйственными элементами. И действительно, как показывает анализ, различия между национальными моделями связаны прежде всего с различными степенью и формами использования всех хозяйственных элементов, а не с различиями поэлементного состава. Поэтому, возвращаясь к вопросу о российской целевой модели развитой рыночной экономики, отметим, что и она, скорее всего, должна состоять из тех же хозяйственных элементов, что и национальные хозяйственные модели развитых капиталистических стран, специфика же ее будет проявляться в особенностях использования этих элементов. Исходя из сказанного, для выяснения сущности проблемы следует рассмотреть вопрос об особенностях использования хозяйственных элементов в различных национальных общественных моделях.

Как уже отмечалось, в странах Северной Европы уровень социального обеспечения выше, чем во многих других капиталистических странах (например, США). Значительно различаются национальные хозяйственные модели и по степени влияния государства на производственные процессы. Так, в Канаде степень экономического участия государства существенно выше, чем в соседних США. Велика роль государства и в успешном осуществлении рыночных преобразований в Южной Корее [4]. Имеются значительные отличия в использовании в национальных моделях и различных видов рынка, малого бизнеса и прочих хозяйственных элементов. Эти и другие возможные особенности, разумеется, следует использовать в целевой российской модели, правда, на наш взгляд, в этом вопросе стоит выделить два аспекта: особенности российской модели будущей развитой рыночной экономики и российской модели переходного периода. Иначе говоря, целесообразно из общей проблемы выявления специфики российской целевой модели построения будущей развитой экономики особо вычленив вопрос об особенностях российской модели переходного к рыночным отношениям периода как необходимого этапа достижения развитого состояния экономики. Таким образом, по существу всегда необходимо рассматривать не одну, как принято считать, а две, хотя и связанных, но различных российских хозяйственных модели: целевую модель будущей развитой рыночной экономики и модель переходного периода; причем, разумеется, данный методологический подход правомерен не только в отношении России, но и вообще в отношении всех стран, осуществляющих кардинальные рыночные преобразования.

Касаясь вопроса об использовании хозяйственного опыта других стран в стратегии построения развитой

экономики в России, сразу следует отвергнуть как нецелесообразный предлагаемый многими вариант применения в российских условиях той или иной национальной экономической модели. Относительно конкретного выбора варианта существует довольно пестрый разброс мнений: предлагаются японская, южнокорейская, китайская модели и пр. На наш взгляд, абсолютное копирование чужого опыта хозяйствования не приемлемо не только в России, но и в любой другой стране, осуществляющей экономические реформы, ибо по большому счету, в каждой стране своя специфическая социально-экономическая модель — поэтому возможно и целесообразно использование в российской экономике, впрочем, также как и в экономике любой иной страны, лишь определенных сторон и элементов других хозяйственных моделей, не копируя ту или иную национальную модель целиком.

Чтобы нас не обвинили при таком подходе в отрицании существования общих сторон и закономерностей функционирования различных хозяйственных систем, необходимо сделать определенные уточнения и объяснения вышеизложенного.

Прежде всего напомним, что, как уже было выяснено, каждая национальная социально-экономическая модель, несмотря на все особенности, по существу состоит из одних и тех же хозяйственных элементов (кстати, это утверждение уже само по себе свидетельствует о наличии общих компонентов в разных моделях хозяйствования и отвергает всякие возможные обвинения в наш адрес в абсолютизации любой национальной специфики), различия между моделями заключаются лишь в направлениях, формах и степени проявления всей совокупности элементов. А поскольку в каждой стране, несмотря на определенные общие моменты, имеются существенные отличия в отраслевой, региональной структуре, в структуре форм хозяйствования, весьма специфичен ретроспективный опыт общественного развития и т. д., а также учитывая, что в соответствии с действием принципа рационального соотношения разных хозяйственных систем, в каждом экономическом сегменте сочетание разных моделей может весьма значительно варьировать, то и сочетание, соотношение и степень проявления различных хозяйственных элементов в каждой стране будут также весьма специфичны. Все это и обуславливает специфику и неповторимость (разумеется, лишь в определенных пределах) любой национальной модели хозяйствования.

В связи с этим вполне правомерна постановка вопроса о разработке специфической российской социально-экономической модели, в которой с учетом национальных особенностей был бы использован зарубежный опыт. Точнее говоря, необходимо ставить вопрос о разработке двух взаимосвязанных моделей: перспективной целевой российской модели развитой экономики и оперативной российской модели переходного периода. Ясно, что в первой модели ставятся и рассматриваются долговременные задачи и цели и приводится характеристика желаемого конечного состояния уже достигшей стадии развитости социально-экономической системы; во второй модели рассматриваются механизмы и инструменты, способствующие достижению поставленных целей, локализованных на разных этапах переходного периода. Сделанный вывод справедлив не только в отношении России, но и в отношении любой другой страны, осуществляющей коренные эконо-

мические преобразования, только в этом случае, разумеется, речь должна идти о специфике и особенностях соответствующей национальной хозяйственной модели.

Таким образом, ни в России, ни в других странах бывшего социалистического лагеря не следует принимать на «вооружение» ни китайскую, на японскую, ни южнокорейскую, ни какую-либо иную хозяйственную модель — в России необходимо создавать российскую модель развитой рыночной экономики, разумеется, используя в этих целях приемлемый в наших условиях зарубежный опыт, а, точнее говоря, используя приемлемые элементы разных хозяйственных моделей как национальных, так и теоретических. Далее более детально следует остановиться на вопросе о целесообразности использования тех или иных особенностей и компонентов различных моделей в российской социально-экономической модели. Как уже отмечалось, все национальные модели, по существу, состоят из одних и тех же хозяйственных элементов, различия же между моделями сводятся к разной степени и формам использования этих элементов. Таким образом, поэлементный состав российской модели тот же, что и в остальных моделях, причем это справедливо как в отношении целевой перспективной модели, так и в отношении модели переходного периода. Остается разобрать только с формами и степенью использования хозяйственных элементов.

Учитывая специфику предыдущего этапа развития советской экономики и ее современного состояния, можно предположить, что в российской модели удельный вес и значение государственного регулирования воспроизводственных процессов будет существенно более значимым, чем в большинстве известных моделей. Причем это утверждение справедливо не только в отношении российской модели переходного периода, когда, как известно из опыта многих стран, осуществляющих коренные рыночные преобразования, роль и значение государственного регулирования весьма велики, но и в целевой перспективной российской модели. Необходимость более значимого государственного регулирования по сравнению с другими национальными моделями даже в целевой перспективной российской модели развитой экономики объясняется рядом факторов. К ним прежде всего следует отнести огромность территории (а, значит, и необходимость содержания достаточно большой армии и пограничных войск; здесь же следует указать на необходимость вложения огромных средств на строительство и содержание объектов производственной инфраструктуры), наличие большого числа регионов с экстремальными условиями воспроизводства (более половины территории России относится к зоне Севера), существование большого числа капиталоемких и низкорентабельных предприятий и производств, предприятий ВПК и пр. Именно этими факторами объясняются более высокие значения показателя удельного веса государственного сектора в оптимальной структуре форм хозяйствования российской экономики по сравнению со значением того же показателя в оптимальной структуре форм хозяйствования других развитых капиталистических стран.

Имеет смысл осуществить также сравнительный анализ целесообразности использования монетаристской модели реформирования экономики в России и государствах Восточной Европы, тем более что высказывая аргу-

менты в пользу избранной модели в России, Егор Гайдар часто ссылаясь на позитивный опыт реализации монетаристской модели реформирования в ряде стран Восточной Европы, прежде всего в Польше, Венгрии и Чехии.

В этой связи заметим следующее. Во-первых, с самого начала не следует преувеличивать те позитивные изменения в уровне и качестве жизни, которые произошли в этих странах вследствие реализации монетаристской реформы. Там также возросла социальная напряженность в обществе, усилилось имущественное расслоение, значительно увеличилась доля людей, живущих в бедности. Во-вторых, этим сравнительно небольшим странам с самого начала экономических реформ выделялись приличные кредиты, инвестиции из-за рубежа, чего не было у нас. В-третьих, не следует забывать, что отраслевая и территориальная структура этих стран очень сильно отличается от соответствующих параметров, характеризующих российскую экономику.

Прежде всего в этих странах доля сферы ВПК не столь велика, как это имеет место в России. Гораздо меньшая доля, чем у нас, в отраслевой структуре их экономики приходится на добывающие отрасли промышленности. Они характеризуются высоким уровнем капиталоемкости и инерционности развития, да к тому же, как правило, низкорентабельны. Более эффективно у них функционирует сельское хозяйство. Не следует забывать, что даже при социализме в аграрной сфере там было достаточно много индивидуальных хозяйств (т. е. развитие фермерства началось не с пустого места).

Важно и то, что экономика Польши и Венгрии еще в период существования социалистического лагеря была не столь замкнута, как советская экономика, и поэтому там лучше умеют приспосабливаться к конъюнктурным изменениям мирового рынка. Эти страны, в отличие от России, как потенциальные конкуренты не представляют особой угрозы для Запада.

Значительно отличается от российской территориальная структура польской, чешской и венгерской экономик. Как известно, около семидесяти процентов территории России относится к северным регионам с экстремальными условиями общественного воспроизводства. На Севере стоимость добычи той же нефти в три-четыре раза больше, чем в средней полосе; в два-два с половиной раза выше там стоимость строительства. Иначе говоря, затраты на производство и транспортировку единицы продукции в районах Севера в несколько раз выше, чем в более благополучных по климатическим условиям регионах. Выше там и средняя стоимость жизни. По оценкам, стоимость минимальной потребительской корзины в Мурманской области, например, почти в два раза больше, чем в средней полосе России. Однако вследствие либерализации хозяйственной деятельности все регионы с точки зрения потребителя оказываются уравниваемыми (ведь потребителю все равно, где произведен интересующий его товар — в Мурманске или в Астрахани, лишь бы он стоил дешевле и соответствовал стандартам качества), огромная зона Севера при переходе к рынку оказывается в несопоставимо более худших условиях, чем большинство других регионов страны. В результате без существенной государственной поддержки производственная деятельность в северных регионах, где сосредоточены богатейшие запасы природных ресурсов, в перспективе мо-

жет резко снизиться, что бумерангом ударит по другим регионам России.

Учитывая специфику отраслевой и территориальной структуры российской экономики, более высокий удельный вес здесь предприятий ВПК и капиталоемких, низкорентабельных предприятий добывающих, сырьевых отраслей, значительная часть которых находится в экстремальных северных регионах, в России модель реформирования по объективным причинам должна включать гораздо больше элементов системы государственного регулирования, чем это имело место в процессе реформирования экономики в странах Восточной Европы.

В России из-за огромности ее территории для эффективного функционирования экономики необходимы повышенные затраты на содержание отраслей производственной инфраструктуры, армии, правоохранительных органов, а все это даже в развитых странах с рыночной экономикой — «епархия» государственного сектора.

На то, что и в *перспективной целевой российской модели* роль государственного регулирования будет более значимой, чем в среднем, указывает и канадский опыт хозяйствования. Канадский опыт здесь упомянут нами не зря. В Канаде, также как и в России, значительная часть территории страны принадлежит к зоне Севера (малоосвоенные северные районы занимают примерно 70 % территории Канады), что определяет во многом уникальное положение Канады в развитом капиталистическом мире. Эти и ряд других особенностей обуславливают целесообразность использования различных аспектов функционирования канадской модели развитой рыночной экономики в российской перспективной целевой модели хозяйствования. Прежде всего это относится к использованию канадского опыта функционирования системы государственных регуляторов. Что же касается российской *модели переходного периода*, то здесь, на наш взгляд, наиболее приемлем южнокорейский опыт построения развитой рыночной экономики, когда все радикальные преобразования моделировались и осуществлялись под руководством государства. Особенно большой интерес представляет использование южнокорейского опыта в формировании отраслевых пропорций, когда активность государственного регулирования обнаружилась с наибольшей отчетливостью (основная ставка при этом делалась на всемерное поощрение экспорта на основе субсидирования национальных экспортеров).

Учитывая специфику предыдущего периода развития советской экономики, когда «тотально господствовала» государственная собственность на средства производства и хозяйственная система функционировала на основе использования плано-директивных методов управления, а также придерживаясь концепции плавного, постепенного вхождения в рынок, определенный интерес может представлять югославская экономическая модель рыночного социализма, некоторые элементы которой могли бы быть использованы в российской модели переходного периода. Это прежде всего относится к индикативному планированию относительно самостоятельных хозяйственных единиц, так как, на наш взгляд, в российской экономике еще достаточно долгое время будет ощущаться значительная потребность в определенном планировании и прогнозировании воспроизводственных процессов, а роль государственной собственности и государственных предприятий будет

очень существенной [7]. Разумеется, следует здесь использовать и богатый отечественный опыт, правда, отвлекаясь от директивно-приказной формы.

Целесообразно в российской хозяйственной модели использовать определенные элементы и других социально-экономических национальных систем. Так, учитывая пережитки «общинности», ее роль в жизни советского общества, большое значение имеет японский опыт по согласованию столь противоположных начал как общинности и индивидуальности (рыночности). Японская экономическая модель являет собой образец близкого к оптимальному симбиоза этих двух начал, чем во многом и обуславливается ее исключительно высокая эффективность [1]. Конкретно этот симбиоз проявляется в таких социально-экономических формах, как, например, пожизненный найм. Все это свидетельствует об учете в системе организации общественного производства национальной специфики и национальной психологии, являющихся важнейшими факторами эффективного функционирования социально-экономической системы. Следует все это учитывать и в российской модели.

Определенный интерес в российской модели переходного периода и, прежде всего, в аспекте формирования оптимальной структуры форм хозяйствования может иметь индонезийский опыт развития малого бизнеса, где очень эффективно развивается мелкая промышленность. В этом же аспекте большое внимание следует уделить анализу китайской модели развития многосекторной экономики. Китайская модель интересна для нас с точки зрения использования государственной власти как фактора стабильности.

Учитывая значительное социальное расслоение общества, появление огромной массы неимущих и малоимущих вследствие рыночных преобразований, большое значение в построении российской модели переходного периода имеет формирование сильной и эффективной системы социальной защищенности населения. Особенно это актуально в связи с тем, что еще совсем недавно ни в России, ни в других странах бывшего социалистического лагеря такой дифференциации не было, наоборот — господствовала система уравнительного распределения. Столь быстрая и резкая смена сложившихся стереотипов в случае отсутствия эффективной системы социальной защиты может привести к серьезным потрясениям и общественным катаклизмам. В связи с этим в российской модели переходного периода всесторонне должен быть учтен скандинавский опыт формирования системы социальной защищенности населения.

Разумеется, существует немало ценного и полезного и в других национальных моделях хозяйственного развития, но, как говорится, нельзя объять необъятное, да и собственно, ни к чему это делать. Все дело в том, что нами здесь проанализированы модели, в которых те или иные элементы представлены наиболее ярко, но ведь и в любых других моделях имеются данные элементы, только там они не имеют такого значения. Так, например, государственное регулирование и система социальной защищенности присутствуют практически в любой национальной модели, но в канадской хозяйственной модели (государственное регулирование) и в скандинавской (система социальной защищенности) соответствующие элементы представлены в пропорци-

ях, в значительной мере отвечающих российским потребностям в переходный период.

Большое значение имеет также анализ функционирования налоговых систем зарубежных стран. Налоговые системы современных государств приняли разветвленный и изощренный характер. Перед налогами ставится задача не только обеспечить доходами расходы государственного бюджета, но налоги используются в качестве инструмента государственного регулирования развития экономики. Основными видами налогов, взимаемых современным государством в странах Запада, являются: индивидуальный прогрессивный подоходный налог; налог на условно-чистую продукцию (налог на стоимость, добавленную обработкой); социальные взносы (взносы в фонды социального страхования); налог на доходы корпораций (корпоративный подоходный налог).

Имеется и множество других направлений и форм государственного регулирования, которые можно объединить в две большие группы. Регулирование народного хозяйства может реализовываться методами прямого и косвенного управления. Прямые методы государственного управления и регулирования основываются на властно-распорядительских отношениях: центр пытается определить состояние, образ действий и результаты хозяйственной деятельности отраслей и предприятий с помощью хозяйственного законодательства, планов, заданий, приказов, запретов, ограничений, распоряжений и т. п. Прямые методы различаются по степени адресности и видам деятельности. Во многих рыночных странах формами прямого регулирования являются программирование и прогнозирование капиталистической экономики, разветвленная система государственных контрактов. Косвенные методы государственного управления и регулирования характеризуются тем, что центр прямо не ограничивает самостоятельности предприятий, а влияет на их хозяйственную деятельность, создавая экономическую заинтересованность в определенных действиях или дестимулируя их, прямо не запрещая. Косвенные методы предполагают централизованное регулирование таких рыночных параметров, как цены, банковский процент, курс денежной единицы, ставки амортизации, установление системы налогообложения, платежей за ресурсы, штрафов, инвестиций, дотаций, компенсаций и т. п. Соотношение прямых и косвенных регуляторов может существенно изменяться на разных этапах общественного развития каждой страны.

Следует заметить, что и в российской экономике в перспективе соотношение прямого и косвенного регулирования также будет существенно изменяться. В этой связи добавим, что не следует совершенно «выбрасывать за борт» все то ценное, что Россия накопила в области государственного управления и регулирования в предыдущий период своего развития, хотя, разумеется, в настоящее время следует искать и использовать новые формы регулирования. Наш взгляд, в этом плане весьма перспективна используемая во многих развитых странах контрактная система. Например, по данным статистики в последнее время общее число корпораций-поставщиков федерального правительства США, имеющих право участия в торгах на поставку государству всех видов товаров и услуг, а это право обретается в процессе острой конкурентной борьбы на том же государственном рынке, составляет около 230–240 тыс., из них 12–13 % — это научно-технические комплексы.

Изменяться будет не только соотношение между прямым и косвенным регулированием; само государственное регулирование, его удельный вес и значение претерпят существенную эволюцию по мере поступательного развития российской экономики к развитому состоянию. Эта трансформация будет проявляться в постепенном снижении удельного веса государственной собственности до оптимальных размеров (в соответствии с концепцией оптимальной структуры форм хозяйствования). Относительно трансформации всей системы государственного регулирования можно высказать предположение, что этот процесс будет происходить волнообразно, неравномерно, скачкообразно, т. е. когда процесс снижения значения этой системы будет чередоваться временным усилением ее роли. Таким образом, уменьшение в конечном счете удельного веса государственного сектора будет проявляться лишь в форме тенденции. Волнообразным характером переходных процессов обменяется кажущееся противоречие между предположением о снижении роли и значения системы государственного регулирования, при достижении состояния развитости социально-экономической системы и необходимостью ее усиления на определенных этапах переходного периода. Явлением волнообразности во многом обусловливается и целесообразность разработки не одной, а двух моделей: российской целевой модели развитой экономики и российской модели переходного периода. В соответствии с этим для разработки первой модели, на наш взгляд, наиболее полезен анализ функционирования канадской модели развитой рыночной экономики; для второй же модели наиболее приемлем южнокорейский опыт формирования рыночной экономики.

Здесь нами обрисованы лишь общие контуры двух российских моделей: модели переходного периода и перспективной целевой модели развитой экономики, причем, ясно, что в отличие от национальных моделей других стран обе российские модели пока что существуют лишь в идеальной форме (особенно это правомерно в отношении перспективной целевой модели). Для более полного представления об этих моделях потребуются дальнейшие исследования по разработке научно обоснованной стратегии перехода к развитым рыночным отношениям, от которой во многом будет зависеть успешное завершение начатых радикальных экономических преобразований в России. Причем, важно добавить, что в понятие «модель» здесь нами вкладывается не традиционное в условиях социализма содержание жестко очерченной, детально заданной системы, а мобильная функциональная структура типа имитационной модели.

Иначе и не может быть, ибо, если даже уже в развитых социально-экономических системах соотношение между разными хозяйственными элементами постоянно претерпевает изменения в ходе эволюции, то что говорить о системе, изменяющейся кардинально. На нецелесообразность жесткого моделирования указывает следующий пример. В США экономическая программа администрации Р. Рейгана была преподнесена как самая крупная переориентация экономической политики со времен Ф. Рузвельта. Действительно, программа представляет собой заметный поворот в экономической политике. С начала 30-х годов все американские президенты пытались решать вставшие перед страной экономические проблемы на ос-

нове государственного регулирования. Они реализовывали в проводимой ими политике положения экономических концепций западных теоретиков, в соответствии с которыми традиционно выделяются три основные функции государства: 1) стабилизационная функция, которая состоит в поддержании высокого уровня занятости и ценовой стабильности, а также в стимулировании экономического роста; 2) распределительная, связанная с достижением более справедливого распределения доходов в обществе; 3) аллокационная (тоже распределительная) функция, выполнение которой имеет целью более эффективное размещение ресурсов в рыночной экономике. Основная заслуга в разработке первой из перечисленных функций принадлежит экономистам кейнсианского направления, что касается второй и третьей из отмеченных функций, их разработкой занимаются экономисты так называемого неоклассического направления.

Р. Рейган же, объявив, что роль государства в американской экономике в современных условиях чрезмерна, хотел добиться улучшения экономического положения страны, решения острейших социально-производственных проблем путем активизации частного бизнеса. Экономическая программа администрации Р. Рейгана состоит из четырех взаимосвязанных частей. Ее первая часть — замедление роста государственных расходов, которое производится путем уменьшения ассигнований на социальные нужды. Вторая часть программы — сокращение ставок подоходного налога на отдельных лиц и налоговые льготы корпорациям. Третья часть — ограничение государственного регулирования. И последняя — соответствующая кредитно-денежная политика. Совершенно очевидно, что такой курс порожден кризисом сложившихся форм и методов государственного регулирования. Глубинные, коренные цели программы Р. Рейгана — осуществить перераспределение национального дохода и изменить пропорции между накоплением и потреблением в пользу накопления, способствовать ускорению капиталообразования и на этой основе провести глубокое техническое перевооружение американской экономики. Кстати, этот пример ослабления роли государственного регулирования наводит на мысль о действии закона волнообразности не только в переходный период, но и в развитой, относительно устойчивой экономике, правда в ней амплитуда волн больше — но эта идея пока только гипотеза, ибо требует статистической проверки.

Таким образом, даже если в такой развитой и устойчиво развивающейся стране как США роль и значение такого важного хозяйственного элемента как система государственного регулирования претерпевают существенную трансформацию со временем, то стоит ли в России в такое нестабильное время при разработке целевой перспективной экономической модели достаточно жестко определять параметры функционирования тех или иных хозяйственных элементов? — Разумеется, не стоит. Итак, нами обрисованы некоторые контуры российской лабильной имитационной модели хозяйствования, в которой учтен положительный зарубежный опыт. При этом еще раз особо следует подчеркнуть, что прилагательное «российская» вовсе не означает отсутствия каких-то общих компонентов и параметров, наоборот, здесь оптимально сочетается общее и особенное. Именно такой оптимальный симбиоз создаст условия

для того, чтобы, с одной стороны, Россия не оказалась в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации, а, с другой стороны, чтобы с ней не произошло такой печальной метаморфозы, когда в стране применяются общие монетаристские методы, а народ бастует. В этой связи далее более подробно следует рассмотреть проблемы перехода к рыночным отношениям в России [8].

Важнейшей особенностью современного периода развития российского общества является переход от социалистических принципов хозяйствования к преимущественно рыночным. Однако, как известно, переходные состояния обязательно в той или иной форме содержат как элементы новой, так и элементы старой системы и никакие усилия и методы не могут моментально привести к ликвидации последних — для этого необходимо время.

В российском обществе это находит проявление в пережитках общинной психологии, в сохранении определенных уравнилельных тенденций и пр. (в связи с этим, учитывая особенности российского общества, стратегию перехода к развитому рынку можно охарактеризовать, как это ни парадоксально звучит, общинной, постсоциалистической, а сам переход в России с позиции оптимальности должен происходить постепенно без слишком большой дифференциации доходов и повального обнищания населения). Важно при этом указать и на определенную инерционность развития, в частности, невозможность осуществления быстрой структурной перестройки экономики (такая стратегия должна в соответствии с философским законом отрицания отрицания сочетать в себе и элементы общинности, точнее, учитывать их и элементы «чистого» рынка как антипода общинности). Поэтому важнейшим условием построения развитой экономики является выбор эффективной стратегии, в которой в максимальной степени бы учитывались особенности национального развития. Поскольку же развитым капиталистическим странам никогда не нужно было осуществлять переход от социалистических принципов хозяйствования к рынку (ибо там формирование развитых рыночных отношений происходило естественным путем), да к тому же многие современные развитые страны (Япония, страны Западной Европы) достигли своего состояния зрелости с помощью США в период после второй мировой войны, когда ситуация на мировом рынке была совершенно иной, чем сейчас, то и к рекомендациям, даваемым специалистами этих стран в отношении методов построения развитой экономики в России следует относиться довольно осторожно (таким образом, существуют разные варианты, способы и пути достижения состояния зрелости, развитости экономической системы, в этой связи социализм можно рассматривать лишь как определенный этап, причем, явно не высший, одного из возможных вариантов общественного развития, которые вопреки марксистско-ленинской концепции совершенно не обязательно должны проходить все страны). Для России следует искать нетрадиционные пути, в наибольшей мере учитывающие специфику предыдущего периода развития страны. Так, представляется, что в условиях переходного периода огромное значение будут иметь государственные методы и формы регулирования переходных процессов, особенно это справедливо для северных регионов страны. В этой связи большое значение имеет использование положений концепции об опти-

мальном соотношении рыночных и государственных методов регулирования и, прежде всего, положения об оптимальной структуре форм хозяйствования. Ранее нами был сформулирован принцип достаточного многообразия форм хозяйствования и их оптимального соотношения, суть которого заключается в том, что важным условием стабильного развития экономики развитых стран и в то же время важнейшим результатом их длительной социально-экономической эволюции является установление определенной пропорциональности между разными формами хозяйствования, идентичности и сопоставимости по многим основным компонентам структуры форм хозяйствования в этих странах, что свидетельствует о существовании в развитой рыночной экономике механизмов, противодействующих имеющейся тенденции всеобщей монополизации общественного производства, ведущей к снижению его эффективности (добавим, что данный принцип действует в любой достаточно большой социально-экономической системе). В соответствии с этим принципом государственный сектор экономики выполняет функцию резонатора, малый и средний бизнес придает гибкость и маневренность, а все это вместе с крупными частными фирмами обеспечивает устойчивость и высокую эффективность производства. Важным направлением эффективной стратегии должна стать разработка мероприятий по постепенному формированию оптимальной структуры форм хозяйствования в российской экономике (что соответствует концепции перехода к смешанной экономике и наличию различных секторов в экономике переходного периода). Можно выделить и множество других важнейших направлений стратегии по формированию развитой рыночной среды, в частности, особое внимание следует уделить рациональному сочетанию политики фритредерства и протекционизма.

Иначе говоря, важнейшим условием реализации целевой установки наряду с глубоко продуманным и разработанным идеалом, к которому система должна прийти, является выбор самой стратегии перехода, в наибольшей мере учитывавшей особенности функционирования самой системы как в предыдущий период, так и в настоящее время (таким образом, для осуществления подлинно научной классификации социально-экономических систем на основе критерия их эффективности следует учитывать не только цель, но и средство). Выражаясь кибернетическим языком, центральной проблемой переходного периода является наладка системы для того, чтобы она могла функционировать в новом режиме. Продолжая данную параллель, добавим, что с кибернетической точки зрения развитый рынок представляет собой сложившийся вследствие длительной эволюции гармоничный симбиоз различных элементов, в том числе различных секторов в экономике (данный симбиоз элементов есть следствие приспособления к среде), тогда как социально-экономическая система переходного периода больше напоминает смесь разнородных моментов, которые действуют нередко в противоположном направлении и задача переходного периода как раз-таки в значительной мере и заключается в том, чтобы деятельность разных элементов согласовать, а вот здесь-то на первый план и выдвигается необходимость разработки и реализации эффективной стратегии построения развитой экономической системы (так, например, требует разработки программа ликвидации убыточных предприятий, так как часть из них необходима об-

ществу при любых условиях, о чем свидетельствует опыт развитых стран, правда, разумеется в разумных пределах). Без такой стратегии достижение стандартов социальной рыночной экономики (высокий уровень потребления, сильная социальная защищенность населения и пр.) окажется просто-напросто благой мечтой. Причем, как уже отмечалось, важнейшим стержневым условием достижения высокой эффективности экономики (ибо ясно, что рыночные отношения — не самоцель, а, скорее, средство достижения высоких показателей эффективности) является постепенный переход к оптимальной структуре форм хозяйствования.

Эффективность перехода к рыночным отношениям, их приемлемость во многом зависят от обеспеченности природными ресурсами, от сложившегося общественного разделения труда, от «встроенности» экономики страны в существующую систему мирохозяйственных связей, экономического потенциала, демографической ситуации и многих других факторов, поэтому, совсем не очевидно, что рыночные отношения всегда и везде ведут к изобилию (в этой связи не следует забывать, что рынок — лишь форма хозяйствования, лишь одна из разновидностей производственных отношений; поэтому для того, чтобы рыночные отношения привели к росту эффективности общественного воспроизводства, необходимо наличие определенных материальных предпосылок, а, поскольку в России материальные предпосылки и условия присутствуют в избытке, переход к рынку здесь вполне оправдан). И, как уже отмечалось, в скорейшем достижении высокой эффективности экономики большое значение будет иметь реализация стратегии, в которой бы учитывалась вся совокупность рассмотренных факторов (как уже отмечалось, большое значение в настоящее время имеет оптимальное соотношение политики фритредерства и протекционизма, причем как на внешнем, так и на внутреннем рынке). Что касается проблемы формирования развитых рыночных отношений в российском народнохозяйственном комплексе, то здесь можно выделить как факторы, благоприятствующие этому процессу, так и тормозящие его. К первым можно отнести высокий экономический потенциал в ряде отраслей и видах производств, большие запасы природных ресурсов; ко второй группе следует отнести высокий уровень монополизации, разорванные производственные связи, нерациональную структуру экономики. Важно при этом отметить, что полномасштабная либерализация цен в российском обществе в настоящее время, скорее всего, приведет к значительному спаду производства и в дальнейшем.

В этой связи, давая прогнозную оценку развития российской экономики в перспективном периоде, можно предположить, что переходный к рыночным отношениям период будет достаточно продолжительным, а усиление роли самих рыночных отношений будет происходить «волнообразно» (т. е. когда их значение будет то усиливаться, то ослабевать, а роль государственных регуляторов наоборот — то ослабевать, то усиливаться), причем, представляется, что данный вывод является общим законом для всех стран, осуществляющих переход к рынку из состояния «тотального» огосударствления экономики, прежде всего, стран бывшего социалистического лагеря (это находит подтверждение также в опыте многих развивающихся стран). Говоря о волнообразности переходных процессов,

здесь имеется в виду, например, сочетание периодов либерализации и контроля над ценами и заработной платой, волнообразный характер происходящего процесса приватизации и т. п. Причем, в различных отраслях и сферах экономики, в разных регионах и странах закон о волнообразности будет проявляться по-разному, в соответствии со спецификой. Первопричина такой волнообразности, на наш взгляд, заключается в том, что накопившиеся в результате прежнего способа хозяйствования диспропорции (например, ценовые перекосы) могут быть устранены лишь на основе рационального сочетания как стихийных, так и сознательных методов управления и регулирования, ибо управление лишь на основе одной из этих двух групп методов, устраняя одни диспропорции, способствует возникновению других, подчас еще более глубоких. Именно этим, прежде всего, объясняется невозможность лишь за счет либерализации каких-то аспектов экономической деятельности осуществить переход к развитым экономическим отношениям; этим же обстоятельством можно объяснить и необходимость периодического ослабления жесткой антиинфляционной кредитно-финансовой политики, являющейся важнейшей составляющей современного макроэкономического регулирования российской экономики на основе выделения крупных кредитов предприятию. Учитывая необходимость рационального сочетания стихийных и сознательных методов управления представляется, что наиболее эффективно переходные процессы в российской экономике будут протекать лишь при сильном государственном регулировании формирования рыночных отношений, которое еще долгое время будет играть очень значимую роль, что связано со спецификой экономической ситуации в России. Волнообразный характер переходных процессов проявляется и в сфере внешних отношений, в частности, во взаимоотношениях между странами СНГ — и здесь центристские тенденции приходят на смену центробежным, что объясняется объективными факторами. Волнообразность проявляется и в других общественных сферах — в сфере религии, политики, права, языка и пр.

Таким образом, в качестве выхода из пережитого сравнительно недавно Россией и другими постсоциалистическими странами острейшего социально-экономического кризиса предлагалось взять на вооружение рыночные методы хозяйствования. Выбор такого целевого ориентира обосновывался тем, что в настоящее время многие капиталистические страны достигли высокого уровня экономического развития (поэтому, говоря о цели, следует уточнить, что на самом деле прельщает высокий уровень потребления, изобилие, а не рынок сам по себе; в связи с чем более правильно говорить о целевой установке как о построении «общества изобилия», рынок же является средством, точнее, не только рынок, а оптимальное соотношение рыночных и государственных регуляторов — поэтому, не следует путать цель и средство). Тем самым признается, что экономика развитых рыночных стран — это норма, а современное состояние экономики бывших социалистических стран — отклонение от нормы или, иначе, экономическая патология. Однако насколько эти выводы правомерны, т. е. насколько оправдано для любой страны видеть рыночную экономику в качестве единственно возможного нормального экономического состояния? Ведь с научной точки зрения совсем

неочевидно, что для России и других стран переход к рынку — единственно возможный путь, по крайней мере, это необходимо обосновать и в любом случае выяснить, какая хозяйственная модель в российских условиях наиболее приемлема и эффективна. Последнее связано с тем, что само понятие «рыночная экономика» не является однозначным — как известно, существует несколько весьма существенно различающихся теоретических моделей рынка: монополистическая, олигополистическая, модель свободной конкуренции (более того, реальный хозяйственный механизм капиталистических стран помимо рыночных включает, как известно, и другие формы — например, государственные регуляторы). Какая из этих моделей соответствует понятию «норма экономического состояния», или для России в качестве целевого ориентира не подойдет ни один из известных вариантов? С другой стороны, напомним, что наиболее эффективным и действенным «лекарством» (средством, методом) лечения рыночной экономики, когда она всерьез и надолго заболела — кризис 30-х годов под названием «Великая депрессия» — оказались кейнсианские методы государственного регулирования, вопреки тому, что предлагают сейчас для России. Этот же вопрос относится и к проблеме выбора в качестве нормы, отвечающей российским условиям, какой-либо национальной модели развитой рыночной экономики — ведь известно, что хозяйственные системы разных развитых капиталистических стран, несмотря на наличие общих компонентов, весьма существенно отличаются друг от друга. Также следует учитывать, что в постсоциалистической экономике технологический базис весьма отсталый — не приведет ли поэтому либерализация хозяйственной деятельности лишь к снижению экономической эффективности?

Определяя целесообразность перехода к развитым рыночным отношениям (или, может быть правильнее — к «обществу изобилия») в качестве целевой установки, следует учитывать следующие нюансы. В настоящее время эффективность общественного производства в наиболее передовых капиталистических странах действительно очень высока — но будет ли так всегда? Ведь не следует забывать, что рыночные отношения — лишь одна из возможных форм производственных отношений, а поэтому эффективность рынка во многом обусловлена уровнем развития материально-технической базы. Так, неизвестно, осталась ли эффективность производства в этих странах столь же высокой, если бы сократились дешевые сырьевые поставки из стран третьего мира. По оценкам из «третьего мира» в развитые страны ежегодно утекает от 50 до 100 млрд. долл. В этой связи можно высказать мысль, что не могут все страны быть одновременно высокоразвитыми рыночными государствами (более того, происходит усиление дифференциации между развитыми и развивающимися странами).

Иначе говоря, причиной могущества и высокой эффективности экономики развитых капиталистических стран является не только рыночная форма производственных отношений, но и неэквивалентная форма отношений (по существу — эксплуатация) с развивающимися странами. Кстати, для того чтобы все человечество с учетом его предстоящего роста могло достигнуть современного промышленного производства в США на душу населения, потребление сырья и энергии в следующие сто лет должно

возрасти в сто раз! Выбор новых технологических решений позволит снизить эту цифру. И тем не менее без коренных изменений в характере потребления удержать равновесие природных систем Земли будет невозможно. Так, в индустриально развитых капиталистических странах потребляется в 25 раз больше исходных сырьевых ресурсов, чем в странах развивающихся. По приблизительным расчетам, в настоящее время на каждого жителя США приходится пятьсот механических рабов в пересчете машинной энергии на мускульную силу человека. В результате, как отмечают некоторые американские биологи, негативное влияние на природную среду одного жителя США в 50 раз больше, чем, например, одного жителя Индии. Поэтому в мире не может одновременно существовать значительное число (а тем более — всех) высокоразвитых рыночных государств — это такая же утопия, как и идея о наступлении всеобщей эры коммунизма.

В этой связи можно даже сформулировать принцип о необходимом существовании в данном временном интервале в мире государств с различными хозяйственными системами, так как для развитых стран необходимы страны, выполнявшие роль сырьевого придатка и экологического отстойника, а это значит, что не для всех государств стремление к рыночным (или, точнее, к преимущественно рыночным) экономическим отношениям является научно оправданным. Таким образом, рыночные отношения сами по себе могут способствовать как повышению эффективности, так и усилению экономической зависимости — многое зависит от исходного технологического уровня экономики и состояния мирового рынка. Ведь не следует забывать, что из всей совокупности рыночных государств к высокоразвитым относится лишь небольшая часть (из приблизительно 200 государств мирового сообщества, подавляющее большинство которых — рыночноориентированы, к развитым относят 24 страны, т. е. чуть более 10 %), существенную долю доходов которым дают проценты за предоставляемые кредиты, неэквивалентный обмен и эксплуатация дешевой рабочей силы в странах третьего мира; добавим также, что в последнее время к высокоразвитым странам не добавилось ни одно государство, более того, разрыв между ними и развивающимися странами увеличивается. Важно учитывать также и следующее. Как известно, на протяжении только этого столетия мировой капитализм пережил несколько очень чувствительных экономических кризисов — достаточно вспомнить кризис 1929—1933 гг.; не исключено, что после очередного кризиса капиталистическая система не сможет оправиться, тем более, что и прежде крупные кризисы способствовали существенной трансформации этой системы. Не следует забывать и о том, что социалистические идеи долгое время пользовались широкой популярностью — и для этого были объективные предпосылки (к тому же кроме советской возможны и другие социалистические модели). Кстати, если бы в условиях социализма оплата действительно осуществлялась в соответствии с количеством и качеством затраченного труда и была бы реализована концепция о многообразии форм собственности и форм хозяйствования и их оптимальном соотношении, то неизвестно еще, какой была бы эффективность социалистической экономики. Поэтому с научной точки зрения не следует исключать, что через определенное время приоритеты и ценности вновь могут измениться, тем более, что несмотря на переход к рыночным отношениям,

во многих бывших социалистических странах кризис продолжает углубляться. Таким образом, научное обоснование выбора той или иной целевой установки не может быть абсолютным, оно всегда в той или иной мере связано с существующей социально-экономической ситуацией в обществе. В этой связи следует признать, что в настоящее время переход к развитым рыночным отношениям для российского общества следует признать обоснованным и целесообразным, но, не следует исключать, что с изменением общественной ситуации может претерпеть изменение и сама целевая установка (например, будет взята на вооружение какая-то не советская социалистическая модель). Поэтому и место модели рыночной экономики в классификации общественных систем, зависящее от многих факторов, с течением времени также может измениться. Важно учесть и то, что эффективность рыночных отношений во многом определяется исходным технологическим базисом — не зря же говоря о создании информационного общества — в России же он не соответствует стандартам развитой рыночной экономики, поэтому переход к ней, возможно, преждевременен. Таким образом, научно обоснованный выбор целевых ориентиров во многом определяется глубокой и всесторонней классификацией социально-экономических систем, в которой учитывается их иерархия. Важнейшей задачей патэкономии является также разработка направлений и выявление методов для создания условий для оптимального варианта перехода к рынку, а также разработка общей теории реформирования экономики.

Переход от кризисного к нормальному состоянию подчиняется общим закономерностям. Так, нами было установлено, что переходные процессы подчиняются таким законам, как волнообразный характер переходных процессов (не следует путать с волнами Кондратьева, ибо здесь имеется в виду другой тип волн — речь идет о волнообразном характере взаимодействия рыночной и государственной систем экономического регулирования), чрезмерно высокий уровень неопределенности среды во время переходного периода и ряду других. Были нами выявлены также объективные принципы оптимальной стратегии переходного периода в России, такие как этапность, длительный характер перехода и пр. Важно также, что вопреки распространенному мнению для реализации оптимальной стратегии перехода необходимо разработать не одну, а две модели: перспективную модель развитой рыночной экономики и оперативную модель переходного периода.

Причем следует иметь в виду, что в перспективе значение и роль рыночной модели могут существенно измениться при выборе приоритетов развития не только российской экономики, но и мировой. Связано это прежде всего с истощением запасов некоторых полезных ископаемых и значительным ростом народонаселения в мире в обозримом будущем. Такого рода факторы, также как и усложнение экологической ситуации, войны, стихийные бедствия и природные катаклизмы, как правило, способствуют возрастанию значения системы государственных регуляторов (вплоть до жесткого административного контроля) в противовес рыночным методам хозяйствования. Причем, на наш взгляд, все эти обстоятельства негативным образом скажутся не только на развивающихся странах, но и на развитых, правда последние будут стремиться, как и всегда, переложить бремя своих забот на страны «третьего мира». Однако поступать таким образом им удастся лишь до опре-

деленного предела, после чего во всей полноте может проявиться внутренняя неустойчивость *изобильной* рыночной экономики (последнее прежде всего касается «семерки» ведущих держав мира). В этой связи добавим, что даже миллиардер Дж. Сорос подверг критике концепцию рыночного фундаментализма за отсутствие в нем духовности, в связи с чем он высказывается за строительство нового общества, где экономика служила бы общему благу.

Известные зарубежные ученые П. Друкер, Р. Хайлбронер и многие другие в своих работах также указывают на неизбежность наступления кризиса социальной системы, основанной на товарно-денежных принципах. В этой связи многие современные социал-демократы как на Западе, так и в России отдают предпочтение экономике социальной справедливости и защищенности. Они провозгласили лозунг: «рыночная экономика, но не рыночное общество». Таким образом, многие известные ученые, менеджеры и политики выступают за социальное регулирование рынка, установление пределов экономизма, за подчинение стремления к прибыли и потребительству более высоким идеалам. Ориентированность на развитие социал-демократического общества связана также с усилением значения технологического и информационного факторов.

В России, как известно, уровень жизни значительно ниже, чем в развитых странах и достичь его в ближайшие десятилетия вряд ли удастся (достаточно сказать, что жилой площади на человека в России в среднем приходится в несколько раз меньше, чем в США, причем отстали мы в этой области не менее чем на сорок лет). Однако, учитывая, что в обозримой перспективе в процессе хозяйствования в мире все более будут давать о себе знать ограниченность природных ресурсов, возрастающие нагрузки на экосистему и ряд других факторов, в изобильной экономике все это будет ощущаться в гораздо большей степени, чем в российской. Поэтому в перспективе не очень избалованным изобилием россиянам должно быть проще приспособиться к изменившимся условиям хозяйствования, тем более, что в России много неосвоенных месторождений и малозаселенных территорий. Пригодится нам тогда и накопленный опыт усиленного вмешательства государства в процесс общественного воспроизводства. Причем уже в настоящее время осуществлять формирование развитой рыночной экономики в России следует с учетом будущих изменений. На наш взгляд, в российских условиях прежде чем брать на вооружение монетаристскую модель формирования рыночной инфраструктуры с присущей ей чрезмерной либерализацией экономики, имело смысл сначала реализовать югославскую модель рыночного социализма с присущим ей индикативным планированием.

Таким образом, формирование развитой рыночной экономики в России возможно лишь при условии разработки стратегии, в которой были бы учтены особенности не только прошлого и настоящего периодов ее общественного развития, но и, как это ни парадоксально звучит, будущего. Данная стратегия должна основываться на объективных условиях и принципах функционирования переходных социально-экономических систем. К ним следует отнести: необходимость постепенного формирования оптимальной структуры форм хозяйствования и, прежде всего, оптимальных пропорций между тремя социально-экономическими секторами (укладами): государственным, сектором малого и среднего бизнеса и сектором крупного бизнеса; волнооб-

разный характер переходных процессов; необходимость следования сформулированной на основе концепции оптимальной структуры форм хозяйствования политике приватизации государственной собственности путем поэтапного достижения частичных состояний социально-экономического равновесия; учет в целевой модели построения развитой экономики в России различных элементов существующих национальных моделей и нецелесообразность абсолютного копирования в российских условиях любой из существующих моделей развитого рынка; возможность и целесообразность использования в разных регионах различных моделей развитой экономики; необходимость в той или иной мере государственного регулирования переходных процессов, формы и методы которого могут существенно различаться в различных сферах народного хозяйства и в разных регионах; следование принципам политики «избирательности и резервов»; создание условий для оптимального соотношения рыночных и государственных методов экономического регулирования и, прежде всего, в системе стимулирования процесса интенсификации общественного производства; использование и учет в разработке целевой модели построения развитой экономики всех возможных теоретических моделей рынка, это же положение справедливо не только для экономики страны в целом, но и в отношении различных сфер и отраслей экономики, так же как и в отношении разных регионов, и ряд других объективных принципов и условий.

Учет в экономической политике переходного периода этих объективных принципов позволит создать условия для наиболее эффективного и безболезненного развития рыночных отношений в российском обществе, ибо эти принципы в своей совокупности являются квинтэссенцией, концентрированным выражением мирового положительного опыта формирования развитой рыночной инфраструктуры. Дальнейшее изучение и анализ происходящих в России и других странах бывшего социалистического лагеря событий позволит уточнить и развить сформулированные исходные условия и принципы оптимальной стратегии построения развитого общества.

Литература

1. Послевоенное восстановление японской экономики и взращивание частных предприятий / Деловая жизнь. — 1994. — № 2. — С. 27–33.
2. Худокормов А. Г. Реформы 1861–1874 гг. / Худокормов А. Г. // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 1994. — № 1. — С. 13–30.
3. Теперман В. А. Экономические реформы: латиноамериканский вариант / В. А. Теперман. — ЭКО. — 1994. — № 4. — С. 25–31.
4. Жуков С. В. Роль государства в сотворении «южнокорейского чуда» / С. В. Жуков. — Российский экономический журнал. — 1993. — № 5. — С. 98–104.
5. Хруцкий В. Е. Южнокорейский парадокс / В. Е. Хруцкий. — М. : Финансы и статистика. — 1993. — 239 с.
6. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь / Х. Ламперт. — М. : Дело, — 1993. — 224 с.
7. Спессо Р. Итальянская экономика с послевоенных лет до наших дней / Р. Спессо ; пер. с итал. — М. : Мысль, — 1984. — 119 с.
8. Павлов К. В. Ядро экономических систем и эффективная хозяйственная политика / К. В. Павлов. — М. : Магистр, — 2009. — 224 с.